

1899, 1 мая, № 45.

с. 2-3

Текущая литература.

Обзор № 3.

Мы обещали поговорить с читателями о том образованном обществе, которое отразилось в произведениях А. П. Чехова. Этот класс по преимуществу привлекает внимание автора и изображен им, порою хотя и грустными красками, но с поразительной рельефностью. Из целого ряда его рассказов и повестей мы выдвинули портреты образованных представителей русского общества, а рассмотревшись из этой галереи и в особенности в вопросах о том, представляет ли эта галерея нашу современную действительность, — подпадаем к нескольким интересным итогов.

Мы не будем говорить о таланте А. П. Чехова. Каждому читателю хорошо известна его тонкая наблюдательность, его поразительная чуткость, угадывающая легкие штрихи, дающие образ, и в особенности та художественная простота и ясность, которыми отличаются все, даже самые малейшие рассказы его. Остановимся прежде всего на повести, напечатанной около 10 лет тому назад в "Нов. Врем." и в которой мителлигентны представлены в двух крайних полюсах. Это "Дуэль".

Содержание повести в кратких чертах таково: действие происходит на юге России, горой повествования — молодой человек, Лавский, без средств, но с образованием, вступающий в какой-то индустриальный мир, в котором он чувствует себя чужим, одиноким и тоскующим.

того, что не знает, как ему поступить со своей сожительницей, Надеждой Федоровной, которую он разлюбил. Два года тому назад, влюбленный, как Ромео, он похитил ее из дома мужа.

Теперь муж умер, и письмо о смерти его лежит в кармане Лавского, но он боится сообщить о том своей подруге, потому что собирается ее покинуть. Надежда Федоровна оказывается особой легкомысленной: почти забытая героиня, окруженная пошлыми обществом кавалеров, жаждущих флирта, она отдается, не любя, то одному, то другому и наконец поддается Лавскому. Все это совершается на глазах молодого зоолога Фомы-Борна, сильного, идейного человека, который осуждает Лавского, как личность вредную для общества, и, воспользовавшись подходящим случаем, вымывает его на дуэль, с ясной и определенной целью убить его и тем освободить общество от одного лишнего его члена. Дуэль, благодаря вышестоящему дьякону, кончается благополучно. Все эти события производятся на Лавского такое сильное впечатление, что он изливается, начинает работать, занимается с Надеждой Федоровной, словом — перерождается, или, точнее, становится на путь перерождения. И отношение идейного зоолога к нему изменяется. Таково содержание.

Разберемся в характерах действующих лиц и в тех условиях, которыми подобные характеры создаются.

Что за человек Лавский? В 28 лет, когда мы застаем его в повести, он представляется нам человеком образованным,

с большой впечатлительностью, наблюдательным и способным, но с существенным недостатком: с полным отсутствием ясного и определенного мировоззрения.

Семья, в которой он вырос, и школа, в которой он воспитался, как это обыкновенно и наблюдается, очевидно способствовали развитию в нем эгоистических наклонностей не грубого, так сказать, высшего порядка. Не привыкший к труду, в котором он не видит удовлетворения, он живет настроением, минутой. У него есть какие-то неопределенные идеалы или влечения, отрывочные представления об идеальной жизни, о свободе, в каком-то абстрактном, о какой-то любви к близким, о той любви, которая лично ему не должна причинять неприятностей и лишений... Он не может всего этого высказать в трезвом состоянии, потому что, очевидно, никогда об этом серьезно не думал. В пьяном же состоянии он это высказывает, бичуя себя за это, и называя себя лишним человеком, продуктом испорченной цивилизации. Брошенный в неблагоприятные условия, т. е. при отсутствии средств к существованию, хроническое положение и без друзей, не находящий удовлетворения в семейной жизни, такой человек способен на ряд мелких подлостей, которые он совершить, может быть, неумышленно, защищая себя, свою эгоистическую натуру от напора этих неблагоприятных условий. Вот как он сам характеризует свою особу: „Я пустой, ничтожный, надменный человек! Воздух, которым дышу, это вино, любовь, один лишь человек — я

до сих пор покупал ценою лжи, праздности и малодушия. До сих пор я обманывал людей и себя, страдал от этого, и страдания мои были дешевы и пошлы" (стр. 112). Автор же говорит о нем перед дуэлью: „истина не нужна была ему и он не искал ее: его совесть, околдованная пороком и ложью, спала или молчала, он, как чужой, или явившийся с другой планеты, не участвовал в общей жизни людей, был равнодушен к их страданиям, идеям, религиям, знаниям, неспасавшим и борясь, он не сказал людям ни одного доброго слова, не написал ни одной — ни полезной, ни пошлой строчки, не сдвинул людям ни на один грош, а только был их хлыб, пил их вино, увозил их жен, жил их мыслями, и чтобы оправдать свою презабвную, паразитную жизнь перед ними и самим собой, всегда старался придавать себе такой вид, как будто он лучше и лучше их. Ложь, ложь и ложь..." (стр. 206).

Такой человек может быть безвреден для общества, в котором живет, только при особенно благоприятных условиях. Окружающий его людской Лавский представляется человеком индифферентным душой общества; это потому во-первых, что он не только никому не мешает, но и часто является партнером в карты, принимая участие в выпивке и в других житейских удовольствиях; а во-вторых, само это общество состоит в большинстве из таких же господ, живущих индифферентно в день и не получающих духовных запросов. Лавский из подобного общества вы-

до сих пор покупал ценою лжи, праздности и малодушия. До сих пор я обманывал людей и себя, страдал от этого, и страдания мои были дешевы и пошлы" (стр. 112). Автор же говорит о нем перед дуэлью: „истина не нужна была ему и он не искал ее: его совесть, околдованная пороком и ложью, спала или молчала, он, как чужой, или явившийся с другой планеты, не участвовал в общей жизни людей, был равнодушен к их страданиям, идеям, религиям, знаниям, неспасавшим и борясь, он не сказал людям ни одного доброго слова, не написал ни одной — ни полезной, ни пошлой строчки, не сдвинул людям ни на один грош, а только был их хлыб, пил их вино, увозил их жен, жил их мыслями, и чтобы оправдать свою презабвную, паразитную жизнь перед ними и самим собой, всегда старался придавать себе такой вид, как будто он лучше и лучше их. Ложь, ложь и ложь..." (стр. 206).

Такой человек может быть безвреден для общества, в котором живет, только при особенно благоприятных условиях. Окружающий его людской Лавский представляется человеком индифферентным душой общества; это потому во-первых, что он не только никому не мешает, но и часто является партнером в карты, принимая участие в выпивке и в других житейских удовольствиях; а во-вторых, само это общество состоит в большинстве из таких же господ, живущих индифферентно в день и не получающих духовных запросов. Лавский из подобного общества вы-

дается только способностями, которыми его наделяла природа, и образованием.

Каково же может быть влияние такого человека на общество вообще и в частности на женскую его половину? Вот как говорит об этом Чехов устами одного из действующих лиц — Фомы-Борна: „Что он сдвинул за эти 2 года пока живешь здесь? Будешь считать по пальцам. Во-первых он научил жителей городка играть в винт; два года тому назад эта игра была здесь неизвестна, теперь же из винта играют от утра до поздней ночи все, даже женщины и подростки; во-вторых он научил обывателей пить пиво, которое тоже здесь не было известно; ему же обыватели обязаны свѣдѣниями по части разных сортов водок, так что с закрытыми глазами они могут теперь отличить водку Шенелева от Смирнова № 21. В-третьих, прежде здесь жили с чужими женами тайно, а теперь же побужденный, во всяком случае, тайно, а не явно: приобщение к этому стало так легко, что стыдилось наставлять на покаяние: Лавский же явился в этом отношении пионером..." (стр. 39—40).

Все недостатки и пороки, начиная от праздности, присущие индифферентному обществу, являются особенно концентрированными, когда они проявляются человеком, хотя бы индифферентного выше среднего уровня, человеком образованным или родовитым. И провинциальное общество довольно не безвольно производит такого представителя своих отрицательных качеств в звание жока или любимца. Лавский и был до некоторой

с. 3.

с. 3.

степени общины любящих.

На женщин он смотрит, как на дополнительный комфорт в жизни, как на источник наслаждения, который требует постоянных переживаний. Он не видит в женщины человека, живущего такой же правды на жизнь, как в он сам, мужчина, и хотя рисовал Надежду Федоровну, своей возлюбленной, красивая перспектива жизни вдвоем, жизни, наполненной эротизмом, действительностью на пользу крестьян, — но, очевидно, это были случайные красивые слова, вышедшие под влиянием настроения с несомненной искренностью. Эта искренность, растянута, обыкновенно, на протяжении одного только настроения, и подкупала в нем расположение женщин, особенно доверчивых в этом отношении.

Представив себе, что такой Лаевский пользовался бы безнаказанно и с полной свободой своими способностями, желаниями и настроениями. Сегодня он сошелся с Надеждой Федоровной, которая увлеклась его красивой разочарованностью и, при своей женской склонности к мистификации, поверила в возможность будущего счастья, бросила мужа и поехала с ним куда-то на юг России без средств, без утраты их зарабатывать, без житейского опыта. Через два года он ее бросает на произвол судьбы, патетически на путь проституции и увлекается другой. И т. д., в продолжении 15—20 лет. За это время он сдвигает несчастными не менее 10 женщин, которые при других условиях могут быть стали бы полезными членами общества. А за Лаев-

ским идет целая толпа таких же господ, не менее интересных и способных, все же в нас не производящих такое же творческое влияние...

Если мы представим себе рядом с влиянием Лаевских — замечательное стремление русской женщины к самостоятельности и независимости, стремление — завоевать себе уважение, к себе к личности, к себе к чести, — мы поймем, какими негодованиями может забиться сердце порядочного, глубоко чувствующего и логически мыслящего человека при виде жизни и деятельности людей, ищущих в женщинах только наслаждения...

Вот почему очень естественно, что если господин, вроде Лаевского, встречается с человеком идейным, отрицающим все явные и определенные живые принципы, уважающим личность и живущим при этом твердую волю, — очень естественно, что между этими двумя крайностями устанавливаются сразу враждебные отношения. Один понимает всю внутреннюю испорченность, весь эгоизм другого, а другой чувствует это неприязненное отношение к себе и также понимает, что неприязнь эта не может быть объяснена мотивами личного свойства.

Таких людей, по своему внутреннему содержанию враждебных Лаевскому, является в обществе Фонт-Корень. Это средний тип интеллигент-реалиста, жизни и деятельности которого очень напоминает Вавилова. Из среды своих собратьев, образованных людей, он выделяется только своей упорной волей и характером, свой-

ством рывков в нашей жизни и деланиями человека из головы его современников, иногда личность выдающейся. Лаевский так характеризует его: „Я так отлично понимаю Фонт-Корень. Это натура твердая, сильная, деспотическая. Ты слышал, он постоянно говорит об экспедициях, а это не пустые слова. Ему нужна пустыня, лунная почва: кругом в палатках и под открытым небом сила его голодные и больные, измученные тяжелыми переходами — казаки, проводники, носильщики, докторы, священники. И не спать только один он и, как Отэнли, сидит на складном стуле и чувствует себя царем пустыни и хозяином этих людей. Он идет, идет, идет куда-то, люди его ступают и ступают один за другим, и он идет и идет, в конце концов погубляет сам и все-таки остается деспотом и царем пустыни, так как у него ноги видны караванам за тридцать — сорок миль и царит над пустыней. И жалко, что этот человек не на военной службе. Из него вышел бы превосходный генеральный полководец... Он работает, идет в экспедиции и свергает себя там, не во имя любви не ближнего, а во имя таких абстрактных, как человечество, будущая колония, идеальная порода людей...“ (стр. 108, 109, 111). Фонт-Корень видит цель жизни в сознательной и осмысленной работе, он ищет только фактов и опыту.

(Окончание будет).